

Э. Р. ТЕНИШЕВ

О ЯЗЫКЕ КАЛМЫКОВ ИССЫК-КУЛЯ

Иссык-кульские калмыки (сарт-калмаки) общей численностью по одним данным около 2,5 тысячи¹, по другим — свыше 6 тысяч человек² проживают в селениях Чельпек, Бёрю-Баш, Таш-Кыя и Бурма-Суу недалеко от г. Пржевальска. Группа сарт-калмак отмечена и в составе Челябинских башкир³.

Согласно преданиям сарт-калмаков, собранным А. В. Бурдуковым⁴, их предки олёты (өөлөт) до распада ойратского ханства кочевали в районе г. Токмака. В XIX в. они находились около Текеса. Отсюда в 1864—1882 гг. перекочевали к озеру Иссык-Куль и были приняты в русское подданство под именем сарт-калмаки (до сих пор они называли себя кара калмак). К 1884 г. сарт-калмаки поселились в тех местах, где было положено основание селам Чельпек и Бёрю-Баш. Во время войн с кокандскими ханами сарт-калмаки приняли ислам. Более ста лет сарт-калмаки живут в тесном соседстве с русскими, киргизами, татарами, испытывая их влияние.

Родной язык у сарт-калмаков ограничен домашним, чисто бытовым употреблением, в основном у старшего поколения. В общественной сфере сарт-калмаки прибегают больше к киргизскому и русскому языкам. Хорошо знают татарские песни и охотно их поют.

В первые годы поселения на Иссык-Куле сарт-калмаки пользовались ойратской письменностью «тодо», употребляли и арабский алфавит. Письменность «тодо» угасла у них по данным А. В. Бурдукова в начале 40-х годов нашего века. К 1934 г. сарт-калмаки ввели у себя латинскую письменность на калмыцком языке и закрепили единое этническое наименование *калмык* (*калмак*).

В настоящее время иссык-кульские калмыки пользуются общекалмыцкой письменностью на русской основе.

У иссык-кульских калмыков сохранились родовые названия. К самым крупным единицам относятся *қалмақ*, *байымбаху*, *солто*, *хәрвәтыр*. К более мелким — *шоңқур*, *сатывалды*, *қыпчак*, *буғу*, *сары бағыш*, *чимит*, *жедигәр*, *һөдөнүүл*, *күйкүнүүл*. Из приведенных наименований можно видеть, что калмыки Иссык-Куля не представляют собою этнически однород-

¹ С. М. Абрамзон, Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи, Л., 1971, стр. 28.

² Ш. Дюндукоев, Некоторые языковые особенности говора иссык-кульских сарт-калмыков (ойратов) в сравнительном освещении с монгольскими и киргизским языками, сб. «Олон улсын монголч эрдэмтний II их хурал», I, Улаанбаатар, 1973, стр. 166.

³ С. И. Руденко, Башкиры. Историко-этнографические очерки, М.—Л., 1955, стр. 54; 57; Р. Г. Кузеев, Происхождение башкирского народа, М., 1974, стр. 285—286.

⁴ А. В. Бурдуков, Каракольские калмыки (сарт-калмаки), «Советская этнография», 1935, 6, стр. 47—56.

ной группы. В их состав вошли также и киргизские родовые подразделения — *солто*, *сатывалды*, *қыпчақ*, *буғу*, *сары бағыш*, *жедигэр*⁵.

Историко-этнографические сведения об иссык-кульских калмыках дали в конце 30—середине 40-х годов XX в. А. Гагарин, Т. Меллер⁶ и монголист А. В. Бурдуков⁷, в 1966 г. — Б. Алымбаева⁸. Еще меньше опубликовано по языку иссык-кульских калмыков. Записи же делались неоднократно и сотрудниками НИИЯЛИ из Элисты, и языковедами из среды калмыков Чельпека. Так, учитель чельпекской школы Бектур Тавалдиев, заканчивая университет во Фрунзе, написал под руководством К. К. Юдахина дипломную работу «Строй калмыцкого языка Иссык-Куля». Недавно вышла в свет статья Ш. Дондукова о некоторых языковых особенностях говора иссык-кульских сарт-калмаков⁹.

Автор данной заметки посетил чельпекских калмыков летом 1973 г. и, не будучи монголистом, на свой страх и риск сделал записи их языка на слух. Моими информантами были Тацпай Исламов (из рода чимит, род. в 1911 г. в с. Бёрю-Баш; окончил курсы надменов Советского Востока при Институте им. Герцена в Ленинграде в 1929 г. и партшколу в 1949 г.; служил в армии, ныне пенсионер; знает калмыцкий, киргизский, русский, татарский, узбекский, уйгурский языки) и Абдукадир Казакпаев (из рода жедигэр, род. в 1910 г. в Чельпеке; получил домашнее образование, работал в колхозе, теперь — на пенсии; знает калмыцкий, киргизский, русский, татарский, узбекский языки). Благодарю этих товарищей за оказанные мне содействие и внимание.

Ниже приводится записанный мною материал.

Фонетические особенности. 1. О переломе гласного *и*. В одной группе слов перелом *и* явно присутствует: *нудн* «глаз», ок. *nüdn*, м.-п. *nidün*¹⁰; *нуур* «лицо», ок. *nüür*, м.-п. *niür*; *нэгн* «один», ок. *negn*, м.-п. *nigen*; *зырға* «шесть», ок. *zurhan*, м.-п. *žirγuγan*; *йёсе* «девять», ок. *jisn*, м.-п. *jisün*.

Но некоторые слова сохранили старый фонетический облик — перелом *и* в них не наблюдается: *шидн* «зуб», ок. *šüdn*, м.-п. *sidün*; *жүре* «шестьдесят», ок. *žirn*, м.-п. *žigan*.

Любопытно, что в примерах второго рода — совпадение с общекалмыцким, а в примерах первого рода такого совпадения нет. Иными словами, перелом *и* в языке чельпекских калмыков произошел неравномерно. В связи с этим заключение Ш. Дондукова о том, что перелом звука *и* у иссык-кульских калмыков отсутствует, не подтверждается полностью.

2. О губной гармонии. В языке чельпекских калмыков *о*, *oo*; *ө*, *өө*; *е*, *ее* возможны и в непервых слогах. Губные и негубные широкие

⁵ С. М. Абрамзон, Этнический состав киргизского населения Северной Киргизии, сб. «Труды киргизской археолого-этнографической экспедиции», IV, М., 1960, стр. 22—31, 86—87, 88, 90—91, 91—92.

⁶ А. Гагарин, Т. Меллер, Сарт-калмаки, «Северная Азия», кн. 5—6, М., 1928, стр. 186—188.

⁷ А. В. Бурдуков, указ. соч., стр. 47—79.

⁸ Б. Алымбаева, К вопросу о сближении народов Киргизии, в кн.: «Трудящиеся Киргизия в борьбе за строительство социализма и коммунизма», Фрунзе, 1966, стр. 207—212.

⁹ Ш. Дондуков, указ. соч.

¹⁰ Ок. — общекалмыцкий — свойственный калмыцкому языку вообще, примеры приведены из: G. J. Kamsstedt, Kalmükisches Wörterbuch, Helsinki, 1935; Б. Б. Басангов, Русско-калмыцкий словарь, Элиста, 1963; м.-п. — монгольско-письменный язык (см.: Б. Я. Владимиров, Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия, Л., 1929; Г. Д. Санжеев, Старописьменный монгольский язык, М., 1964); знак — над буквой — позиционная долгота.

в первом и втором слогах могут сочетаться следующим образом: *aa* — *oo*; *aaaxoo* «чужбина», *o* — *o*: *би йовхов* «я пойду», *ө* (*ө*) — *ө*: *дөчө*¹¹ «сорок», *өнкө* «дедушка», *өөрчө* «грудь», *мөңгөн* «серебро». Широкие *o* и *ө* могут быть представлены и в третьем слоге: *жорабор* «жорга, иноходец», *көмушке* «висок». Конечный *e* встречается после *ө*, *э*, *e*, *и*: *дөрөе* «четыре», *хөре* «двадцать», *төвө* «пятьдесят», *йёсе* «девять», *йёре* «девятиносто», *эчхе* «отец», *эке* «мать», *жйре* «шестьдесят», *чйче* «правнук».

В современном калмыцком языке указанные выше гласные могут находиться только в первом слоге слова¹¹.

Монгольский письменный язык, монгольское квадратное письмо и ойратская письменность показывают, что в XIII—XIV вв. и в XVII в. широкие губные имелись за небольшим исключением только в первых слогах¹². Система губной гармонии развилась в диалектах халхасского типа¹³. По-видимому, она была некогда свойственна и калмыцкому языку, что подтверждается данными языка оренбургских, уральских¹⁴, а также иссык-кульских калмыков. Исследования калмыковедов в этом направлении наводят на мысль о том, что сложение губной гармонии в калмыцком было закончено накануне периода создания письменности «тодо» (середина XVII в.), а разрушение началось до XIX в.¹⁵.

3. Об увулярном звонком *г*. Щелевой *г* в языке иссык-кульских калмыков встречается и в начале слов и между гласными, а также между сонорными и гласными: *гуй* «бедро», *гурву* «три», *гуччу* «тридцать», *мантаган* «с нами», *мантаган* «с вами», *зырга* «шесть», *арнур-гун* «спина», *толг'а* «голова». В калмыцком литературном и в говорах в указанной позиции могут быть *h*, *x*, *g*.

4. Об увулярном глухом *к*. Смычный *к* может быть и в начале и в середине слов между гласными и в конце слов: *қалмақ* «калмык», *қира* «ворона», *ноқа* «собака». В литературном калмыцком и в говорах в указанной позиции вместо *к* употребляются *x* и *к*.

Морфологические особенности. 1. Количественные числительные. Для обозначения единиц служат: *нэгн* «один», *хойыр* «два», *гурву* «три», *дөрөе* «четыре», *төвы* «пять», *зырга* «шесть», *дөла* «семь», *нэми* «восемь», *йёсе* «девять», *арвы* «десять», *арвы нэгн* «одиннадцать», *арвы хойыр* «двенадцать».

Наименованиями десятков являются: *хөре* «двадцать», *гуччу* «тридцать», *дөчө*¹⁶ «сорок», *төвө* «пятьдесят», *жйре* «шестьдесят», *дөлы* «семьдесят», *нйы* «восемьдесят», *йёре* «девятиносто», *зу* «сто», *мыңгы* «тысяча».

В отличие от калмыцкого литературного языка в языке иссык-кульских калмыков количественные числительные за исключением числительного *нэгн* «один» утратили конечный *н*.

2. Местоимения. В группе личных местоимений совместный падеж от местоимений *бидн* «мы» и *та* «вы» имеет форму *мантаган* «с нами» и *мантаган* «с вами» вместо литературно-калмыцких *манта* и *манта*. Любопытно, что в роли возвратного местоимения выступает не постпози-

¹¹ Г. Д. Санжеев, Грамматика калмыцкого языка, М.—Л., 1940, стр. 15; Б. Х. Тодаева, Калмыцкий язык, в кн.: «Языки народов СССР», V, Л., 1968, стр. 35—36.

¹² Б. Я. Владимирцов, указ. соч., стр. 315—317; Н. П. Поппе, Квадратная письменность, М.—Л., 1941, стр. 38.

¹³ Г. Д. Санжеев, Старописьменный монгольский язык, стр. 34—35.

¹⁴ Н. Н. Убушаев, Фонетика торгутского говора калмыцкого языка. АКД, М., 1974, стр. 10.

¹⁵ Д. А. Павлов, Исследования по калмыцкому языку и письменности, Алма-Ата, 1971, стр. 50.

тивный ээран, как в литературном калмыцком, а изменяющиеся по лицам формы от бийи «тело»:

Ед. число
би бийим «я сам»
чи бишин «ты сам»
тери бийин «он (а) сам (а)»

Мн. число
бидн бийимдин «мы сами»
тадн бидн «вы сами»
тедн бийин «они сами»

3. Глагол. 1) Изъявительное наклонение (на примере глагола йов- «идти»). Настоящее время момента речи образуется с помощью аффикса -на/-нэ:

Ед. число
би йомнав (< йовнав) «я иду»
чи йомнач «ты идешь»
тери йомна «он (а) идет»

Мн. число
бидн йомнайdn «мы идем»
тадн йомнат «вы идете»
тедн йомна «они идут»

В функции будущего времени выступает причастие будущего времени с аффиксом -х:

Ед. число
би йовхов «я пойду»
чи йовхич «ты пойдешь»
тери йовхи «он (а) пойдет»

Мн. число
бидн йовхуйdn «мы пойдем»
тадн йовхит «вы пойдете»
тедн йовхи «они пойдут»

Прошедшее время, обозначающее давнее действие, образуется при помощи аффикса -ла/-лэ:

Ед. число
би йовлав «я шел»
чи йовлач «ты шел»
тери йовла «он (а) шел (шла)»

Мн. число
бидн йовлайdn «мы шли»
тадн йовлат «вы шли»
тедн йовла «они шли»

Формы времен изъявительного наклонения в морфологическом плане полностью совпадают с соответствующими формами калмыцкого литературного языка.

2) Повелительное наклонение. Второе лицо ед. числа — чистая основа: бич! «пиши!», бды! «иди!». Второе лицо мн. числа имеет приметой аффикс -т(у)н: та бичтн! «пишите!», та оттун (<одтн)! «идите!» и совпадает с калмыцким литературным языком.

3) Желательное наклонение. Формы желательного наклонения образуются присоединением к основе глагола аффикса -йи(ла), -йа(ла): х^оувий! «разделите-ка!», жиргыйала! «поиграем-ка!», сууйала! «посидим-ка!». Они полностью совпадают с соответствующими формами калмыцкого литературного языка, кроме одной детали — факультативного наращения частицы -ла.

4) Форма условного деепричастия образуется при помощи аффикса -хыйла/-хийлэ (литературный эквивалент: -хла/-хлэ): давхыйла «если перейду».

Лексические особенности. 1. Термины родства: ачы «внук; внучка», ок. atšni; ахы «старший брат», ок. аж^а; ахы нертаган «старший и младший братья»; чйче «правнук, правнучка», ок. жиц; далāхы «прапраправнук, прапраправнучка»; чилāхы «праправнук, праправнучка»; дүү «младший брат», ок. дū, дү; дүүкөкн «младшая сестра», ок. öкндū, дү күүкн; эче «отец», ок. эцг; эке «мать», ок. ек^а; эхи «старшая сестра», ок. ектš; эже «бабушка», кирг. ¹⁶ эже «старшая сестра»; тайене «бабушка», кирг. тай эне; көкн «дочь», ок. күүкн; көвн «сын», ок. көвūн; нахчече «дядя (по отцу)»; нахчеке «тетя (по матери)», өкжө «дедушка», ок. өрк^б, өвгн.

¹⁶ Киргизские примеры см.: К. К. Ю да х и в, Киргизско-русский словарь, М., 1965.

Сравнение с общекалмыцкой лексикой обнаруживает в большинстве случаев совпадение терминов родства у иссык-кульских калмыков с общекалмыцкими терминами.

2. Части тела человека: *арнуреун* «спина; позвонок», ок. *ar + nury^on*; *бармақ* «палец, пальцы», кирг. *бармак*; (*бөдн гораун* «большой палец», ок. *bidün* «крупный», *хирүн* «палец»; *чикча* «указательный палец», ок. *tšiktš^šgē*, *чичча* «мизинец»; *дунктку гуреун* «средний палец», ок. *dund^uх*, *дунктк*; названий безымянного пальца и мизинца мои информанты не знают); *бахар* «кадык», ок. *baх^olar*, *baх^lür* «глотка», *чикун* «ухо, уши», ок. *tšikn*; *дāлы* «предплечье», ок. *dal^o* «лопатка»; *әуй* «бедро», ок. *gij^o*; *гижик*, *үсүн* «волосы», ок. *gidž^šgə*, *үсн*; *кēлн* «язык», ок. *keln*; *киисун* «пупок», ок. *kīsn*; *көл* «нога», ок. *köl*; *көмүшко* «висок», ок. *kömskō*, *күмса* «бровь», *күзүн* «шея», ок. *küzün* «шея, горло»; *маңна* «лоб», ок. *таңна*, *таңна*; *мēме* «грудь (жен.)», узб. *мамма*; *мурт* «усы», кирг. *мурун*; *нүдн* «глаз, глаза», ок. *nüdn*; *нүүр* «лицо», ок. *nūr*, *нүр*; *омур* «ключица», ок. *otgün*; *өргүн* «подбородок», ок. *örgn*; *өрчө* «грудь», ок. *örtšⁱ*; *өшкә* «пятка», ок. *өскә*, кирг. *өкчө* «каблук, задник (обуви)»; *қаиш* «брови», кирг. *каш*; *сāхл ~ сагл* «борода», ок. *saх^l*, *сахл*; *сорымсы* «ресницы», ок. *sorms^oG*, *сормен*; *шидн* «зуб, зубы», ок. *šüdn*; *тāзе* «колени», кирг. *тиз*, *тизе*; *толга* «голова», ок. *tolgā*, *tolgā*, *толга*; *тōха* «локоть», ок. *toхā*, *toхā*; *урул* «рот», ок. *ur^l*, *урл* «губа»; *хамыр* «нос», ок. *хатг*. Из тридцати терминов — двадцать четыре общекалмыцкие и только шесть заимствованы из киргизского и узбекского языков.

3. Слова различных групп: *мөрн* «конь», ок. *mörn*; *жорабор* «иноходец», ок. *džora*; *тах* «подкова», ок. *taх^o*; *дуу* «песня», ок. *düd^ü* «олётская песня»; *дав* «перевал», ок. *дав*; *мөсн* «лед», ок. *mösn*; *усна* «вода», ок. *usn*; *хāргықсн* «встреча», ок. *харһлһн*; *зайан* «любовь», ок. *zajān* «доля, участь, судьба»; *заахоо* «чужбина», ок. *zaх^o* «край, окраина»; *омгар* «высокий», ок. *ot^oүрг*; *мөңгөн* «серебро», ок. *möngn*; *шархыл* «желтоватый», ок. *šarх^l*; *жиргат-түргәт* «веселье», ок. *džirг^o дүрг^l*; *жиңниксен* «быстрый», *живер* «крыло», ок. *живер*; *жил* «год», ок. *džil*; *залу* «молодец, мужчина», ок. *zalı*, *залу күн*; *көве* «край, кант», ок. *köwē*; *Мрқиш* (имя собственн.); *Жиргилың* (название местности), ок. *džirг^olv^o* «благо, счастье», *бол-* «быть, стать», ок. *bolх^o*, *болх*; *дав-* «переходить, переваливать», ок. *dawх^o*, *давх*; *жирга-* «играть, веселиться», ок. *džirг^oх^o* «счастливо жить», *морд-* «садиться на коня, уезжать», ок. *mord^oх^o*; *усул-* «поить», ок. *us^lх^o* «поить (о скоте)»; *хува-* «делить, распределять», ок. *хува^oх^o*; *суу-* «сидеть, жить, проживать», ок. *sūх^o*. Совпадение лексики иссык-кульской калмыцкой и общекалмыцкой в данном случае полное.

Приведенный материал обнаруживает, что язык иссык-кульских калмыков, как можно судить по речи жителей Чельпека, больше всего различий от калмыцкого литературного и диалектного имеет в фонетике; в морфологии и лексике эти различия мало ощутимы, т. е. язык иссык-кульских калмыков находится на положении говора.

Недавно Д. А. Сусеева высказала мысль, что, несмотря на генетическое родство, язык иссык-кульских калмыков на правах говора или диалекта нельзя относить к калмыцкому языку. В основе этого взгляда лежит историческая причина — сарт-калмаки не участвовали в формировании калмыцкой народности в XVII—XVIII вв. и калмыцкой национальности в XX в.¹⁷ Думается, что чисто историческое основание не является в

¹⁷ Д. А. Сусеева. К проблеме соотношения калмыцкого языка и калмыцких диалектов; сб. «Совещание по общим вопросам диалектологии, истории языка. Тезисы докладов и сообщений (Ереван, 2—5 октября 1973)», М., 1973, стр. 42—43.

данном случае вполне достаточным — необходимо привлечение еще социологического критерия: национальное самосознание, взаимопонимаемость, наличие общего литературного языка.

Иссык-кульские калмыки не только не отделяют себя от калмыцкой национальности, но напротив, принадлежность свою к ней считают вполне естественной и несомненной; о языковом барьере между ними не может быть и речи, так как в структурном отношении, как можно было видеть, оба языка очень близки. Наконец, литературным калмыцким языком иссык-кульские калмыки пользуются уже в течение долгого времени. Последнее обстоятельство особенно важно. Именно такая действенная сила, как калмыцкий литературный язык, сглаживая различия, приближает к калмыцкому на правах говора язык бывших сарт-калмаков. В настоящее время язык калмыков Иссык-Куля есть, несомненно, один из говоров калмыцкого языка.

Приложение

Дуу

1. (Записано от А. Казакпаева 13 июля 1973 г.)

заахоо Жиргилыңцен көвөгөсө
залурун омгар мортхо
зайан х^оувий болгий!
тантаған-мантаған жиргыйала!

«вдоль по чужому Джиргалану
с молодецкой силой
пусть будет любовь!
поиграем-ка весело и вы и мы!»

2. (Записано от А. Казакпаева 23 июля 1973 г.)

живертэй шархыл мөрнла
жицниксен уснасы усулхий!
жилдөний хәрғыкся ахынертаған
жиррат-түргөт сууйала!

«крылатого коня желтой масти
папоить бы студенной водой!
на встрече раз в год братьев
повеселиться бы нам хорошо!»

3. (Записано от А. Казакпаева 23 июля 1973 г.)

мөңгөн тахта жорабор мөрнла
мөсн давагар давхийла
мөңгөн хамырта Мөкшла!

«о если бы конь-иноходец с серебряной подковой
перешел бы ледяной перевал
с серебряной грядой (букв. носом)
Мөкш!»